

Дети мороза

НА ДАЛЬНОМ СЕВЕРЕ, В ЛЕСАХ

После изматывающе долгого пути в сердце Бесплодных земель¹, где скудость Дальнего Севера, как принято думать, лишает тундру всяческой жизни, уже оставив позади последние низкорослые кустики да редкие, тут и там разбросанные рощицы, среди бескрайних, беззаботных просторов все же встретишь порой грандиозные лесные массивы. Об этом, правда, только-только начинают узнавать живущие на всем остальном белом свете. Ведь если туда и попадали время от времени какие-нибудь землепроходцы, до сих пор ни один из них не вернулся, чтобы сообщить об этом миру.

Бесплодные земли — это и в самом деле бесплодные пространства тундры, дурные земли Арктики, приполярные пустыни, мрачное, суровое обиталище овцебыков и поджарых тундровых волков. Такой она предстала и перед Эйвери Ван Брантом: безрадостные дали, ни деревца, лишь изредка мхи да лишайники, ничего привлекательного. Во всяком случае, так ему казалось, пока он не очутился в местах, где на карте было сплошное белое пятно, пока вдруг не обнаружил там — о чем и не мечтал — густые хвойные леса и никем еще не описанные эскимосские племена. Желая прославиться, он намеревался лишь устранить белое

¹ *Бесплодные земли* — обширная безлесная тундра в Северо-Западных территориях, простирающаяся к северу, к западу и к югу от Гудзонова залива.

пятно на карте, заполнить его черными обозначениями горных хребтов, котловин и впадин, нанести извилины текущих там рек — и оттого пуще обрадовался, когда понял, что сможет прибавить к ним еще и лесные полосы и селения туземцев.

Эйвери Ван Брант — а если назвать все его регалии, то профессор Э. Ван Брант, служащий Геологического управления американского правительства, — был заместителем начальника экспедиции, но потом сам стал начальником, когда возглавил отдельный отряд и повел его вверх по одному из притоков реки Телон¹, кружным маршрутом длиной миль в пятьсот; сейчас этот отряд направлялся к одному из еще не известных селений. Следом за Ван Брантом плелись восемь человек: двое, канадские французы, были проводниками, а прочие — дюжие индейцы племени кри, нанятые в Манитоба-Уэй. Лишь он один был чистокровный англосакс, а это значит, что в его жилах, в согласии с традициями его предков, яростно бушевала кровь. С ним в ногу шествовали и Клайв с Гастингсом², и Дрейк с Рэли³ или даже Хенгист с Хорсой...⁴ И он, первым из людей такой породы, вот-вот войдет в уединенное приполярное селение — при одной мысли об этом он возликовал, и его спутники

¹ *Телон* — река в территории Нунавут на северо-западе Канады, впадающая в Гудзонов залив.

² Роберт *Клайв* (1725–1774) и Уоррен *Гастингс* (1732–1818) — основатели колонии Британская Индия: генерал Клайв, одержав несколько крупных побед, укрепил власть Ост-Индской компании, а Гастингс стал первым генерал-губернатором Индии. — *Примеч. пер.*

³ Фрэнсис *Дрейк* (1540–1596) — знаменитый английский мореплаватель, корсар, вице-адмирал. Уолтер *Рэли* (1552–1618) — мореплаватель, поэт, историк; прославился нападениями на испанский флот. — *Примеч. пер.*

⁴ *Хенгист* (ум. 488) и *Хорса* (ум. 455) — легендарные братья-вожди древних саксов. Им приписывалось завоевание Британии в V в. — *Примеч. пер.*

тут же заметили, как походка его сделалась упругой и он неосознанно ускорил шаг.

Селение между тем опустело, когда из него навстречу пришельцам вышла пестрая толпа: впереди, угрожающе выставив луки и копья, двигались мужчины, а женщины с детьми робко теснились позади них. Ван Брант, подняв правую руку, подал знак, что у него мирные намерения, — знак, известный любому народу, и жители селения ответили ему тем же. Вдруг, к его недоумению, вперед выскочил некто в звериных шкурах и протянул ему руку с привычным «Хелло!». И хотя человек этот оброс бородой, а его щеки и лоб отливали медно-коричневым загаром, Ван Брант сразу понял, что это его соплеменник.

— Кто вы? — спросил он, пожимая руку незнакомца. — Не Андрэ¹ ли?

— Андрэ? — переспросил тот. — А кто это?

Ван Брант, внимательно посмотрев на него, сказал:

— Вот те на!.. Вы, значит, здесь давненько.

— Пять лет уже, — ответил тот, и в его взоре мелькнула гордость. — Ну, давайте поговорим. Им всем лучше около меня расположиться, — добавил он, заметив, что Ван Брант бросил взгляд на своих спутников. — Старина Тантлач о них позаботится. Идемте же!

И он так размашисто зашагал через все селение, что Ван Бранту еле удавалось поспевать за ним. То тут, то там, где позволяло место, высились чумы, накрытые лосиными шкурами. Ван Брант, обзрев их опытным взглядом, прикинул, сколько может быть в селении жителей.

— Двести человек, не считая детей, — заметил он.

¹ Соломон Андрэ (1854–1897) — шведский исследователь Арктики, погиб при попытке долететь на воздушном шаре до Северного полюса. Из вопроса Фэрфакса ясно, что он оказался у эскимосов еще до гибели Андрэ. — *Примеч. пер.*

Бородач кивнул.

— Похоже. Я вот тут живу, в сторонке, знаете, чтоб не на глазах у всех и так далее. Садитесь. Я, пожалуй, с вами поем, потом, когда ваши люди что-нибудь приготовят. Уже забыл вкус чая... Пять лет прошло, ни разу его не пил, даже аромат не упомяну... А табак у вас есть? О, спасибо! И трубка тоже? Отлично. Еще бы огоньку, тогда сразу станет ясно, сохранило ли это зелье былую прелесть.

Он чиркнул спичкой, осторожно, бережно, как истый обитатель леса, лелея ее неверное пламя, словно она была последняя, и сделал первую затяжку. Какое-то время задумчиво подержал дым во рту, а потом, сложив губы трубочкой, медленно, с наслаждением, выпустил его. Он откинулся назад, черты его лица словно смягчились, а взгляд чуть затуманился. Глубоко вздохнув, блаженно, с безмерным удовольствием, он быстро выговорил:

— Боже мой! До чего вкус чудесный!

Ван Брант, благожелательно кивнув, спросил его:

— Значит, вы говорите — пять лет?

— Пять, — снова вздохнул бородач. — Вам, надо полагать, хотелось бы знать, как все вышло? И вас наверняка снедает естественное чувство любопытства: ситуация-то достаточно странная, и все такое. Но — ничего особенного... Я из Эдмонта¹ отправился тогда охотиться на овцебыков, а потом, как у Пайка да и у других², начались всякие злоключения, только я потерял

¹ *Эдмонтон* — город в провинции Альберта (с 1905 г. — ее административный центр) на западе Канады; торговый пост *Компании Гудзонова залива*, основан в 1795 г., получил официальный статус города в 1892 г. В описываемые времена — крупный центр торговли пушниной в регионе и опорная точка на пути колонистов, осваивавших *Северо-Западные территории*.

² Возможно, речь о Завулоне *Пайке* (1779–1813), исследователе юго-запада США: его экспедиция, обследовавшая в 1806 г. горные районы Колорадо, попала в плен к испанцам, поскольку, сбив-

своих спутников и все припасы. Дальше — голод, лишения, все как всегда бывает в таких случаях, лишь я один выжил и так далее и вот наконец приполз сюда, к Тантлачу, можно сказать, на четвереньках.

— Пять лет... — снова пробормотал Ван Брант, будто припоминая кое-что из прошлого.

— В феврале ровно пять было. Я тогда пересек Большое Невольничье озеро¹ в начале мая и...

— Так вы — Фэрфакс?! — перебил его Ван Брант. Тот кивнул.

— Позвольте... Джон, по-моему. Джон Фэрфакс, верно?

— Откуда вы знаете? — лениво спросил Фэрфакс, увлеченный выпусканьем изо рта вверх струек дыма, завивавшихся спиралью в недвижимом воздухе.

— В газетах тогда только об этом и писали. Преванш...

— Вы сказали — Преванш? — Фэрфакс вдруг ожил и выпрямился. — Он пропал тогда в Дымчатых горах².

шись с пути, оказалась на территории тогдашней Мексики. Под «другими», вероятно, подразумевается экспедиция Льюиса и Кларка (они отправились на разведку пути к Тихому океану, но вернулись лишь в 1806 г., когда их считали погибшими) или Альберта Пайка (1809–1891), двоюродного племянника З. Пайка: во время путешествия в Новую Мексику в 1831 г. ему пришлось пройти пешком около 800 км. Мало того: на обратном пути он совершил еще один пеший переход — длиной в 1050 км. Эти истории были известны всем американцам той эпохи. — *Примеч. пер.*

¹ *Большое Невольничье озеро* — второе по величине в Северо-Западных территориях Канады и самое глубокое (614 м) в Северной Америке озеро, которое, наряду с озерами *Большое Медвежье* и *Атабаска*, является остатком некогда обширного послеледникового озера. Название восходит к имени местного индейского племени *слейви*, ошибочно отождествленного европейскими путешественниками с *фр. esclave* и *англ. slave* (невольник).

² *Большие Дымчатые горы* — хребет, принадлежащий горной системе Аппалачи, по которому проходит граница американских штатов Северная Каролина и Теннесси.

— Верно, однако он выжил и все-таки выбрался отсюда.

Фэрфакс опять откинулся назад и снова принялся пускать спиральные дымы.

— Рад слышать, — сказал он, думая о чем-то своем. — Преванш был парень что надо, ну разве что выдрючивался с налобным ремнем, когда нес груз, вот плут! Значит, таки выбрался? Что ж, я рад...

«Пять лет» — эти слова без конца кружили в мыслях Ван Бранта, и так уж получилось, что перед его внутренним взором вдруг возникло, обретая ясность черт, лицо Эмили Саутуэйт. М-да, пять лет назад... Низко над ними с гоготом пролетела стая диких гусей, но, завидев человеческое жильё, они быстро отвернули к северу, прямо на тлевшее в небе солнце. Ван Брант вскоре потерял их из виду. Он вынул часы. Оказалось, что уже час ночи. Плывшие к северу облака налились кровью, сквозь них к югу пробились темно-красные лучи, и мрачный лес зловеще вспыхнул. Воздух был недвижим, ни единая иголка на ветках не шелохнулась, и самые тихие звуки в селении слышались отчетливо и ясно, будто сигнал трубы. Индейцы и проводники, проникшись настроением этой минуты, лишь что-то невнятно бормотали, и даже повар невольно старался поменьше греметь посудой. Где-то плакал младенец, а из лесной чащи вдруг возник серебряной нитью женский голос, монотонно тянувший зауспокойный распев: «О-о-о-о-о-о-о-а-хаа-ха-а-ха-аа-а, о-о-о-о-о-о-о-о-а-ха-а-ха-а».

Ван Брант, вздрогнув, резко потер свои ладони.

— А про меня, значит, все решили, что я погиб? — медленно произнес его собеседник.

— Ну вы же не вернулись, вот ваши друзья...

— ...вскоре меня вконец позабыли, — докончил за него Фэрфакс, засмеявшись хриплым, вызывающим смехом.

— Отчего же вы не вернулись?

— Отчасти не захотел, надо думать, а отчасти из-за обстоятельств, находившихся вне моей власти. Понимаете, когда я сюда попал, Тантлач сильно хворал, лежал со сломанной ногой, там был сложный перелом, но мне удалось вправить кость, так что я его вылечил. А потом я решил пожить тут некоторое время, чтобы набраться сил. Я был первым белым, который встретился Тантлачу, ну и, само собой, показался ему кладезем премудрости. И в самом деле, чему только не учил я людей его племени. Познакомил их, среди прочего, с военной тактикой — так они взяли и тут же завоевали четыре деревни соседних племен (вы их еще не видели) да стали заправлять всем вокруг. В общем, они действительно сделали обо мне столь высокого мнения, что, когда я собрался их покинуть, они и слышать об этом не захотели! Очень гостеприимные люди, что правда, то правда... Поставили охранников, стерегли меня днем и ночью. А потом Тантлач предложил мне вознаграждение — ну, в некотором, так сказать, роде, — а поскольку мне было вполне безразлично, где жить, я смирился с судьбой и остался тут.

— Во Фрайбурге¹ я был знаком с вашим братом. Мое имя Ван Брант.

Фэрфакс, порывисто подавшись вперед, пожал ему руку со словами:

— Так вы приятель Билли? Эх, Билли, бедняга! Он вас часто вспоминал. Да, в странном месте мы встретились... — прибавил он, окинув взглядом первобытный пейзаж окрест и на мгновение прислушавшись к скорбному пению женщины. — У нее мужа медведь разорвал, вот она и не успокоится никак, все страдает.

¹ *Фрайбургская горная академия* — технический университет в немецком городе Фрайбурге, основан в 1765 г.

— Жуткая жизнь! — сказал Ван Брант с гримасой отвращения. — После пяти лет всего этого цивилизация, надо думать, будет вам по сердцу. Что скажете?

Лицо Фэрфакса было бесстрастно.

— Как знать. Люди здесь хотя бы честны, живут всяк на свой лад. Еще они на удивление простодушны. Ничего не усложняют, не создают из любого простого чувства, которое испытывают, его тысячу и одну тончайшую вариацию. Они любят, им бывает страшно, они ненавидят, гnevаются или радуются, и все это — обычные, простые, определенные эмоции. Жизнь, может быть, и жуткая, но жить так по крайней мере легко и просто. Ни тебе ухаживаний, ни кокетства. Если вы понравились кому-то из женщин, она вам сразу об этом скажет. А если она вас возненавидит, про это тоже сразу скажет, а вы, если пожелаете, можете даже поколотить ее, но главное тут вот в чем: она точно знает, что именно у вас на уме, а вы точно знаете, что на уме у нее. Нельзя ошибиться, нельзя не понять друг друга. В этом есть своя прелесть, это вам не горячечные судороги цивилизованного мира. Понимаете?.. Что и говорить, жизнь тут вполне хороша, — сказал он, помолчав, — по крайней мере, для меня, так что я собираюсь и дальше жить здесь.

Ван Брант опустил голову, будто что-то вспоминающая, и на его губах появилась едва заметная улыбка. «Ни ухаживаний, ни кокетства, ни недопонимания... Да, видно, Фэрфакс никак не может успокоиться, — думал он, — а все лишь потому, что Эмили Саутуэйт по ошибке попала в лапы одному медведю... Впрочем, вполне недурному, надо сказать, медведю — Карлтону Саутуэйту».

— Но вы уйдете со мной, — сказал Ван Брант с настоящей ноткой в голосе.

— Нет-нет.

— Уйдете-уйдете.

— Говорю же вам: жизнь здесь несложная, — решительно заявил Фэрфакс. — Я всё понимаю, и меня все понимают. Лето и зима здесь мелькают, как солнечные лучи между жердей забора, времена года неуловимо переходят одно в другое, от света к тьме; время течет, и жизнь утекает прочь, пока не раздастся такой вот плач в лесу, а дальше — тьма... Вслушайтесь!

Он поднял руку — серебряная нить женской скорби все еще звенела в воздухе, нарушая тишину и спокойствие вокруг. Фэрфакс принялся тихо вторить этому голосу.

— О-о-о-о-о-о-о-а-хаа-ха-а-ха-аа-а-а, о-о-о-о-о-о-о-а-ха-а-ха-а, — пел он. — Неужели не слышите? Не понимаете? Что женщины здесь оплакивают? Что поют похоронный распев? Что волосы у меня уже седые, как у патриарха? Что на мне великолепные звериные шкуры, пусть и грубо выделанные? А подле меня — охотничье копьё? Кто скажет, что это не замечательно?

Ван Брант невозмутимо взглянул на него.

— Фэрфакс, вы полный болван! За пять лет такой жизни кто угодно сойдет с ума, вот и вы нездоровы, у вас сейчас приступ меланхолии. А Карлтон Саутуэйт, между прочим, умер...

Ван Брант, набив трубку, закурил, а сам чуть ли не с профессиональным интересом лукаво поглядывал на Фэрфакса. Взор у того на мгновение вспыхнул, кулаки сжались, он было привстал, но тут же обмяк, словно погрузился в раздумья. Майкл, повар отряда, зна́ком позвал их за стол, но Ван Брант — тоже зна́ком — отвечал, что еще не время. Повисла напряженная тишина. Ван Брант тем временем принялся определять лесные ароматы: пахло плесенью, гниющими растениями, смолой от сосновых шишек и хвои, ароматным дымом от многих костров в селении. Дважды

Фэрфакс взглядывал на него, не проронив ни слова, и вот наконец выговорил:

— А что... как Эмили?..

— Все вдовствует, вот уже три года.

Снова долгое молчание, которое Фэрфакс нарушил, сказав с наивной улыбкой:

— Что ж, вы, пожалуй, правы, Ван Брант. Я уйду с вами.

— Я знал, что вы так решите, — молвил Ван Брант, кладя руку на плечо Фэрфакса. — Конечно, никому не ведомо, что в результате получится, но, по-моему... в ее обстоятельствах... ей ведь уже делали предложения...

— Когда вы отправитесь дальше? — перебил его Фэрфакс.

— Пусть сначала мои люди выспятся. Да, кстати, Майкл уже негодует, так что пора идти ужинать.

После ужина, когда и проводники, и индейцы, завернувшись в одеяла, дружно захрапели, Ван Брант и Фэрфакс остались у гаснущего костра. Им было о чем поговорить — о войнах, о политических событиях, об экспедициях и о произошедшем в мире, об общих друзьях, о том, кто женился, а кто умер, — словом, об истории всех пяти лет, которой жадно интересовался Фэрфакс.

— В общем, испанский флот оказался блокирован в Сантьяго...¹ — рассказывал Ван Брант — и тут вдруг, проскользнув перед ним, некая молодая женщина встала рядом с Фэрфаксом. Она мельком бросила взгляд на его лицо, а затем, встревоженная, уставилась на Ван Бранта.

— Это дочь вождя Тантлача, так сказать, принцесса, — пояснил Фэрфакс, невольно покраснев. — Коро-

¹ Битва при *Сантьяго-де-Куба* 3 июля 1898 г. — сражение между американской и испанской эскадрами в ходе испано-американской войны (апрель—август 1898 г.). Потерпев поражение, испанцы утратили статус морской державы, тогда как ВМФ США был признан одним из ведущих в мире. — *Примеч. пер.*

че говоря, она — одна из тех наград, что заставили меня здесь остаться. Тэма, это Ван Брант, мой друг.

Ван Брант протянул ей руку, но женщина даже не шевельнулась, что было вполне сообразно всему ее облику. Ни одна черточка в ее лице не смягчилась, ни одна жилка не дрогнула. Она пристально глядела ему прямо в глаза, вопрошая, доискиваясь до сути.

— Да чего там она понимает! — рассмеялся Фэрфакс. — Это, видите ли, у нее первое знакомство с чужаком. Так, значит, испанский флот в бухте Сантьяго блокировали?..

Тэма опустила на землю рядом с мужем, недвижимая, как бронзовая статуя, и лишь ее горящие глаза непрестанно перебегали с одного лица на другое в попытке понять, что тут происходит. Вскоре Эйвери Ван Брант, хотя рассказывал все больше и больше, почувствовал странное волнение — и все из-за этого ее немного, испытующего взгляда. В самый разгар красочного описания одной из битв он, физически ощутив, как ее черные глаза прожигают его насквозь, вдруг начал запинаться, потерял нить повествования — и лишь с трудом смог вернуться к своему рассказу. А Фэрфакс, обхвативший руками колени и забывший о потухшей трубке, жадно впитывал все эти новости, даже подгоняя рассказчика, когда тот замедлял свое повествование: ведь ему нужно было вновь наполнить образами тот мир, который, как ему казалось, он полностью забыл.

Прошел час, другой, и наконец Фэрфакс неохотно поднялся с места.

— Так Кронье¹, выходит, загнали в угол? Погодите-ка, я сейчас на минуту зайду к Тантлачу. Он навер-

¹ Пит Арнольд *Кронье* (1836–1911) — бур, политический и военный деятель; во время второй англо-бурской войны командовал корпусом. Фэрфакс не знал, что в феврале 1900 г. англичане нанесли Кронье поражение и что он был взят в плен. — *Примеч. пер.*

няка уже ждет вас, но я договарюсь, что вы появитесь у него после завтрака. Вас это устроит?

Он удалился, пропав между соснами, и Ван Брант неожиданно для себя не мог оторвать глаз от жарко горящего взора Тэмы. Пять лет, соображал он, а ей сейчас никак не больше двадцати... До чего примечательное создание! У эскимосок лицо обычно плоское, нос едва намечен, а у этой — ну надо же, — он не широкий и не плоский и даже с горбинкой; и ноздри у нее изящные, чуткие, как у женщины с куда более светлой кожей, из высшего света, — что ж, Эйвери Ван Брант, тут дело ясное: у нее наверняка есть примесь индейской крови. И еще, Эйвери Ван Брант, что это ты так разволновался в ее обществе, ну не съест же она тебя, в самом деле; это — всего лишь женщина, и, правду сказать, она очень недурна собой. Она, конечно, не из местных: куда больше походит на восточный тип. Глаза огромные, довольно широко расставлены, причем монгольская раскосость едва заметна. Тэма, да ты — парадокс! Тебе не место здесь, среди эскимосов, пусть твой отец — один из них. Откуда же родом была твоя мать? Или бабушка? Ох, Тэма, дорогая, ты красавица, пусть и холодная, заледеневшая, но в крови у тебя — вулканическая лава Аляски! И пожалуйста, не смотри так на меня...

Он рассмеялся и встал. Ее неотрывный взгляд приводил его в замешательство. Какая-то собака бродила среди мешков с провизией. Он собрался было прогнать ее и перенести мешки в безопасное место, пока нет Фэрфакса, но Тэма протянула руку, чтобы удерживать его, а потом тоже встала, загородив ему дорогу.

— Ты? — сказала она на языке Арктики, который почти всюду одинаков, от Гренландии до мыса Барроу¹. — Ты?

¹ Мыс Барроу — мыс на арктическом побережье Аляски, крайняя северная точка США.

И мгновенная смена выражений на ее лице требовала ответа на все вопросы, которые заключались в этом «ты»: кто он и что он? почему он явился сюда? какое отношение имеет к ее мужу? — и на все прочие.

— Брат, — ответил он на том же языке, широким жестом показав на юг. — Братья мы, твой муж и я.

Она покачала головой со словами:

— Ты тут — нехорошо.

— Один сон, и уйду, — сказал Ван Брант.

— А муж? — спросила она с надрывом в голосе, вся трепеща.

Ван Брант пожал плечами. Он ощущал тайный стыд, не связанный с кем-то конкретно, и еще сердился на Фэрфакса. Продолжая разглядывать юную туземку, он ощутил вдруг, как к его лицу прилила кровь. Она всего лишь женщина. Женщина — и в этом заключалось все. Очередная убогая, жалкая история, вечная-бесконечная, старая как мир, и так — со времен праматери Евы и до только что вспыхнувшего света новой любви.

— Мой муж! Мой муж! Мой! — яростно твердила она, лицо ее потемнело от страсти, а во взгляде горела беспощадная нежность Вечной Женщины, Женщины-Спутницы.

— Тэма, ты родилась в этом лесу, далеко на Севере, — строгим тоном заговорил он, переходя на английский, — ты ела сырыми и рыбу, и мясо, боролась с холодом, голодом и жила просто, бесхитростно все прошедшие дни своей жизни. Но ведь на свете столько всего, о чем ты даже не имеешь представления, такого, что ты не сможешь осознать, — и это отнюдь не простые вещи. Ты понятия не имеешь о том, каково это — тосковать в дальней дали о мирских наслаждениях, тебе не понять, что такое — жаждать узреть лицо прекрасной женщины. А женщина эта, она прекрасна, Тэма, и красота ее благородна. Да, ты была женой

этого мужчины, вся-вся, как ты есть, но этого так мало, и это все чересчур просто... Слишком мало и слишком просто для него: ведь он — из другого мира. А ты на самом деле вовсе не познала его, ты никогда бы и не смогла его познать. В этом мире все предопределено. Да, ты обнимала и ласкала его, однако душу его ты так и не тронула, а это душа человека, для которого времена года слились воедино, который думал, что так и умрет здесь, в этом жестоком, варварском мире... Чем был он для тебя? Лишь грезой, лишь источником грез. Ты пыталась удержать его плоть, но владела его тенью, ты отдавала себя мужчине, но на твоём ложе был лишь его призрак. В незапамятные времена такая была участь тех дочерей человеческих, на кого обратили свой взор боги. Ох, Тэма, Тэма, не хотел бы я оказаться на месте Джона Фэрфакса в будущем, когда бессонными ночами его глаза будут искать не поцелованные солнцем локоны женщины подле него, а распущенные черные космы подруги, покинутой в лесной чащобе, где-то на Дальнем Севере...

Хотя Тэма ничего не поняла из сказанного, она вслушивалась в слова Ван Бранта с таким напряженным вниманием, будто от их смысла зависела вся ее жизнь. И едва она уловила среди них имя мужа, как тут же воскликнула на эскимосском языке:

— Да! Да! Фэрфакс! Муж мой!

— Ах, глупышка, ну какой же он тебе муж?

Она, конечно же, не поняла, что именно он сказал по-английски, однако решила, будто над нею подшучивают. Тупая, слепая злоба вспыхнула во всем ее облике, и Ван Бранту даже почудилось, будто она, словно пантера, изготовилась к прыжку.

Он безмолвно чертыхнулся про себя, но тут же увидел, как ее гнев, быстро угаснув, сменился ярким светом женской мольбы у нее во взоре: ведь умоляю-

щая женщина уступает силе, мудро облачаясь в доспехи собственной слабости.

— Он мой муж, — сказала она мягко. — Я никого больше не знала. И не быть тому, чтобы я узнала кого-то еще. И не быть тому, чтобы он ушел от меня.

— А кто сказал, что он от тебя уйдет? — раздраженно спросил Ван Брант, ожесточаясь и одновременно ощущая свое бессилие.

— Ты должен сказать ему, чтобы он не ушел от меня, — тихо ответила она, подавляя рыдание.

Ван Брант, сердито пнув тлеющие угли костра, снова сел.

— Должен ему сказать, — не унималась она. — Он мой муж. Перед всеми женщинами он — мой. Ты ведь большой, ты сильный, а я — ты же видишь, какая я слабая! Вот, я у твоих ног. Ты обязан помочь. Лишь ты один...

— А ну встань! — крикнул он, вскакивая, и, грубо дернув Тэму за руку, поднял ее на ноги. — Ты — женщина. И потому твое место — не на земле и не у ног какого-то мужчины!

— Но он — мой муж.

— Тогда да прости Господь всех мужей! — с жаром воскликнул Ван Брант.

— Он — мой муж, — однообразно, умоляющим тоном повторяла она.

— Он — мой брат, — ответил ей Ван Брант.

— Мой отец — вождь Тантлач, — парировала она. — В его власти пять селений. Я прикажу — и для тебя в них выберут самую лучшую девушку, на твой вкус, чтобы ты остался у нас вместе со своим братом и пребывал в довольстве.

— Один сон — и я уйду.

— А мой муж?

— Вон он, твой муж, видишь!

Из-за мрачных елей послышался голос Фэрфакса, который весело напевал что-то.

И как дневной свет гаснет из-за наплывающего моря тумана, так и ее лицо разом потухло от звуков этой песни.

— Это — язык его племени, — вымолвила она, — язык его племени...

И тут же, повернувшись легким движением гибкого молодого зверя, она исчезла в лесу.

— Вам назначено! — крикнул Фэрфакс, подходя к костру. — Его королевское высочество примет вас после завтрака.

— А насчет себя вы уже сказали? — поинтересовался Ван Брант.

— Нет. И ничего не скажу, пока мы не будем готовы отправиться в путь.

Ван Брант, угрюмо взглянув на спящих, произнес:

— До чего же я буду рад, когда мы окажемся лиг за сто отсюда!

Тэма подняла шкуру, закрывавшую вход в чум, где жил ее отец. Тот был в компании еще двух мужчин, и все они с живым интересом взглянули на нее. Но лицо ее ничего не выражало, и, войдя внутрь, она бесшумно присела на землю, не проронив ни слова. Тантлач, костяшками пальцев барабанил по древку копья у себя на коленях, лениво взирал на светлую дорожку, пробитую внутри чума солнечным лучом — через весь мрак от отверстия в шкуре, где ее привязывали к шестам. Справа от Тантлача, сразу позади него, примостился Чугангат, шаман их племени. Они оба были стары, и усталость многих лет жизни затаилась у них во взорах. А напротив них сидел Кин, молодой мужчина, любимец племени. Его движения были быстры и проворны, а его черные глаза непрерывно перебежали с

одного старика на другого — и смотрел он на их лица изучающе, с вызовом.

Внутри чума царило молчание. Иногда снаружи слышались звуки повседневной жизни, и тонкие, визгливые, едва слышные голоса дерущихся мальчишек слабо доносились издали — будто это были тени их голосов. Какая-то собака, просунув морду внутрь, сквозь входное отверстие, некоторое время совершенно поволчьи тарасилась на них, и с ее белых, как слоновою кость, клыков на землю капала слюна. Через некоторое время она негромко, будто вопросительно зарычала, но неподвижные фигуры людей внушили ей благоговейный страх, и, опустив морду, она задом выползла наружу. Тантлач окинул дочь безучастным взглядом.

— Как твой муж, как у вас с ним?

— Поет песни на чужом языке, — отозвалась Тэма, — и его лицо выражает что-то необычное.

— Правда? Он говорил что-нибудь?

— Нет, но взгляд у него изменился, глаза горят, и он все сидит у костра с Пришедшим, они много разговаривают, и словам их нет конца.

Чугангат что-то шепнул на ухо вождю, и Кин тут же подался вперед.

— Что-то зовет его издалека, — продолжала Тэма, — а он вроде сидит, прислушивается, а потом в ответ поет песню на языке своего племени.

Снова Чугангат зашептал на ухо вождю, снова Кин подался вперед, а Тэма замолчала, пока отец кивком не позволил ей продолжать.

— Как тебе ведомо, о Тантлач, и дикие гуси, и лебеди, и малые утки-чёрнети — все они рождаются здесь, в наших низинах. И так же ведомо тебе, что до наступления морозов они улетают в чужие края. И еще — они всегда возвращаются, когда землю вновь освещает солнце и водоемы свободны ото льда. Причем ле-

тят они именно в то место, где родились, чтобы там дать начало новой жизни. Земля зовет их, вот они и возвращаются. Сейчас другая земля позвала моего мужа — та, где он родился, — а он решил откликнуться на этот зов. Но все же он мой муж! Перед любимыми другими женщинами — он мой!

— Хорошо ли это, Тантлач? Хорошо? — выпалил Чугангат, и в его голосе, пусть легким намеком, прозвучала угроза.

— Конечно хорошо! — смело выкрикнул Кин. — Наша земля призывает своих детей, и все земли всегда зовут своих детей к себе домой. Как гусей, лебедей или уток она призывает, так и этого, Пришлого, который уже достаточно пожил у нас и теперь должен уйти. И есть еще зов рода. Гусь же покрывает только гусыню, а лебедь не будет спариваться с чернетью... Не к чему лебедю покрывать утку. И не к чему пришлым соединяться с женщинами из наших селений. Потому я и говорю: этот человек должен уйти, пусть отправляется к своим, к своему роду, в свою страну.

— Он мой муж, — ответила на это Тэма, — и он великий человек.

— Верно, великий, — согласился Чугангат, подняв голову с некоторым намеком на живость, как будто в нем на минуту разыгрались юные силы. — Он великий человек, и это он придал мощи твоей деснице, о Тантлач, он преумножил твою власть, и твое имя повсюду вызывает страх — страх и уважение. Он очень мудр, и от этого тебе много пользы. Мы ему многим обязаны. Именно он научил нас военным хитростям, особым приемам при обороне деревни или при нападении в лесной чаще. Он поведал нам, как обсуждать дела на совете, а еще — как уничтожать врагов силой слова или клятвенных обещаний. Еще показал, как загонять зверей, ставить на них ловушки, как сохранять пищу,

лечить болезни и обрабатывать раны, полученные на охоте или в сражении. Ты сам, Тантлач, был бы сегодня хромоногим старцем, если бы Пришлый не оказался среди нас и не вылечил тебя. А если мы не знали, как поступить, когда случалось что-то неожиданное, то всякий раз обращались к нему, чтобы он, в своей премудрости, разъяснил нам, как быть, — и снова и снова он все разъяснял. Какие-то вопросы и сомнения непременно возникнут в будущем, и премудрость его вновь нам понадобится, так что не можем мы позволить себе взять и отпустить его. Не будет хорошо, если он уйдет.

Тантлач продолжал барабанить по древку копья, не подавая виду, что хотя бы что-то услышал. Тэма напрасно вглядывалась в его лицо, а Чугангат лишь ссутулился, как будто его опять придавило бремя лет.

— Никто не охотится вместо меня! — воскликнул Кин, с силой ударяя себя в грудь. — Я добываю зверя. И радуюсь жизни, когда охочусь. Я радуюсь, когда крадучись подползаю по снегу к лосю. И натягивая тетиву изо всех сил, чтобы мигом вогнать ярую стрелу прямо ему в сердце, я тоже радуюсь. У мяса, добытого кем-то другим, нет того вкуса, как у моей добычи. Я рад жизни, собственной силе и ловкости, я счастлив, что все делаю сам, для себя. Иначе ради чего жить? Зачем, если не радоваться себе самому и всему, что сам совершаешь? Я охочусь или ловлю рыбу потому, что радую себя, восторгаюсь собой. Находясь на охоте или добывая рыбу, я становлюсь сильным и ловким. Кто сидит в чуме, у костра, тот не станет ни сильным, ни ловким. И не будет счастлив от моей пищи, и жизнь ему ничуть не в радость. Ведь такой человек и не живет вовсе. Потому говорю: хорошо бы этому Пришлому уйти восвояси. Ведь его мудрость не делает мудрыми нас. Если он хитроумен, к чему нам быть хитроумными? Если надо, мы идем к нему, за его хит-

роунием. Так мы питаемся добычей его охоты, и вкус у нее дурной. Нас ценят по его силе, а в этом нет никакого счастья. Мы больше не живем — это он живет вместо нас. Мы толстеем, делаемся похожи на женщин, мы боимся работы и уже забываем, как сделать что-то для себя. Отпусти его, о Тантлач, и тогда мы будем настоящими мужчинами! Вот я, Кин, я — мужчина, я сам добываю себе пищу на охоте!

Тантлач обратил на него свой взор, в котором, казалось, поселилась пустота вечности. Кин, едва сдерживаясь, ждал его решения; но губы старого вождя были недвижны, когда он повернулся к дочери.

— Что дано, того нельзя отнять! — крикнула она. — Я была совсем девочкой, когда к нам явился Пришлый, мой муж. Я тогда не знала мужчин, не понимала, каковы они, мое сердце еще радовалось играм девушек, а ты, Тантлач, — не кто иной, как ты! — тогда подозвал меня и отдал меня ему, этому Пришлому. Именно ты, и никто больше, Тантлач! Но как ты отдал меня ему, так и его ты отдал мне... Он — мой муж! Он спал в моих объятьях, и из них его невозможно вырвать.

— А ведь и в самом деле, о Тантлач, — подхватил вдруг Кин слова Тэмы, при этом многозначительно взглянув на нее, — хорошо бы вспомнить: что дано, того нельзя отнять.

Чугангат выпрямился.

— Ты, Кин, по молодости много чего наговорил... А мы с тобой, о Тантлач, люди старые, мы-то понимаем, что к чему. Мы ведь тоже когда-то смотрели в глаза женщинам, чувствуя, как жаркая кровь бурлит в наших жилах от неясных желаний. Но годы охладили нас, мы осознали мудрость решений совета, дальновидность неспешных суждений и действий — оттого и понимаем, что жар в сердце может перегреть его и

привести к необдуманным поступкам. Мы помним: ты, о Тантлач, благоволил Кину. Мы помним: в те далекие дни, когда Тэма была ребенком, ты обещал ее Кину. И понимаем: настали новые времена, появился Пришлый, Тэма не досталась Кину, но обещание было нарушено вследствие нашей мудрости и желания принести благо нашим людям. — Старый шаман, на секунду умолкнув, посмотрел прямо в глаза молодому охотнику. — И знай: это я, Чугангат, дал вождю совет нарушить обещание...

— А я... я так и не принял ни одной женщины на свое ложе, — перебил его Кин. — Я сам разжигал свой костер, сам готовил еду — и скрежетал зубами от своего одиночества.

Чугангат махнул рукой в знак того, что еще не закончил свою речь.

— Я старик, — продолжал он, — и потому говорю, понимая суть своих слов. Хорошо быть могущественным и удерживать власть. Но лучше отказаться от власти, чтобы в результате возникло благо. Когда-то, Тантлач, я сидел подле тебя, мой голос звучал громче остальных, а моим советам следовали во всех делах. Я был тогда силен, и власть была в моих руках. После Тантлача я был самым важным лицом. Но появился этот Пришлый, и я понял: он хитроумен, мудр, велик. А если он мудрее и лучше меня, от него и пользы, ясное дело, куда больше, чем от меня. Ты, Тантлач, прислушался тогда ко мне, и так Пришлому досталась власть, место среди нас, а еще — твоя дочь Тэма. Под сенью новых законов в эти новые времена наше племя стало процветать, так пусть оно и дальше процветает — сохранив Пришлого среди нас. Мы оба, ты и я, о Тантлач, уже стары, и потому решение надо принять головой, а не сердцем. Услышь меня, Тантлач! Слушай, что я говорю: он остается с нами!

Снова надолго воцарилось молчание. Старый вождь размышлял, являя собой внушительную неколебимость божества откровения, а Чугангат словно пропал в туманных далях прошедших дней. Кин в страстном томлении смотрел на молодую женщину, она же, не замечая его взгляда, устремила пристальный взор на отца. Тот же пес с волчьей мордой опять отодвинул в сторону шкуру на входе в чум и, осмелев от царившей внутри тишины, прополз на брюхе внутрь. Он с интересом обнюхал недвижную руку Тэмы, с вызовом насторожив уши, уставился было на Чугангата, но потом улегся к ногам Тантлача. Тут копьё с грохотом свалилось на землю, и пес, испуганно взвизгнув, шарахнулся в сторону, успев в прыжке лязгнуть зубами, но уже следующим прыжком выскочил наружу.

Тантлач неторопливо переводил свой взор с одного лица на другое, долго и внимательно вглядываясь в каждого из присутствующих. Но вот он поднял голову, царственно приосанился и произнес свое решение ровным, холодным тоном:

— Он остается с нами. Созвать всех охотников. Послать гонца в соседнее селение, чтобы оттуда пришли все воины. Встречаться с Пришедшим не буду. Ты поговоришь с ним, Чугангат. Скажи, чтобы немедленно уходил прочь, если хочет уйти с миром. Если окажется сопротивление, то убить, убить, убить их всех, до последнего, — но все должны знать: нашего — того, что моей дочери муж, — чтобы никто и пальцем не тронул. Это — всё.

Чугангат поднялся с места и неверными шагами отправился наружу. За ним последовала Тэма. А когда Кин, ссутулившись, нагнулся, чтобы выйти наружу, его остановил голос Тантлача:

— Кин, мое решение для тебя — закон. Пришлый остается с нами. Он должен быть цел и невредим.

Поскольку Фэрфакс преподавал им военное дело, эскимосы теперь не кидались вперед без оглядки с безрассудными криками. Наоборот, они вели себя сдержанно, осторожно и продвигаться вперед предпочитали молча, ползком и перебежками от одного укрытия к другому. А спутники Ван Бранта — проводники-французы и индейцы-кри — залегли у самого берега реки, где их отчасти защищала узкая полоса открытого пространства. В темноте им практически ничего не было видно, они слышали какие-то неясные звуки, но все же ощущали трепетное движение живых существ по лесу, это неявное, неопределенное приближение наступавшего противника.

— Вот черт подери-то, — пробормотал Фэрфакс. — Прежде они пороха вообще не знали, а я их научил, как с ним обращаться.

Эйвери Ван Брант рассмеялся, выбил трубку и аккуратно убрал ее вместе с кисетом, а затем чуть потянул наружу охотничий нож из чехла у себя на боку.

— Погодите, — сказал он, — сейчас первых сотрем в порошок, тогда у остальных прыти поубавится.

— Если они запомнили мои уроки, то пойдут в атаку врассыпную.

— Ничего! Магазиновые винтовки для того и сделали, чтобы можно было всаживать пулю за пулей. Мы им... Отлично! Первая кровь! Тебе, Лун, за это лишняя порция табака.

Лун, один из индейцев, углядел чье-то плечо и тут же своим точным выстрелом поведал об этом его владельцу.

— Как бы их раздражить, чтобы скорее кинулись в атаку, — бормотал Фэрфакс. — Как бы раздражить-то...

Ван Брант, увидев, как кто-то высунулся из-за дальнего дерева, тут же выстрелил, и нападавший рухнул

на землю в предсмертных конвульсиях. Майкл уложил третьего, Фэрфакс вместе с остальными тоже взялись за дело, стреляя в любого, кто неосторожно обнаруживал себя, и в каждый куст, где что-то шевелилось. Пятерых наступавших застрелили, когда они попытались из укрытия перебежать топкую низину, а еще дюжину уложили левее, где почти негде было укрыться. Однако прочие восприняли нанесенный им урон с угрюмой стойкостью, они по-прежнему шли вперед осторожно, осмотрительно, не суетясь и не отставая.

Еще через десять минут, когда они были уже довольно близко, всякое движение вдруг прекратилось, все замерло, и настала зловещая, угрожающая тишина. Лишь видно было золотисто-зеленое одеяние леса, да подлесок уже вздрагивал и трепетал под первыми, еще слабыми дуновениями ветерка. В лучах белесого утреннего солнца по земле пролегли длинные тени, перемежавшиеся полосами света. Тут один из раненых эскимосов, подняв голову, стал ползти к ним из низины, и Майкл, держа его на прицеле, чуть помедлил с выстрелом. Затем вдоль невидимой линии слева направо пробежал свист, и в воздух взлетела туча стрел.

— Товсь! — скомандовал Ван Брант, и в его голосе прозвенела новая, металлическая нотка. — Пли!

Эскимосские воины, все как один, ринулись в атаку. Лес вдруг ожил. Раздались громкие крики нападавших, им в ответ грянул винтовочный залп. Эскимосы падали, пораженные пулями, но их соратники бросились вперед, оставляя погибших, хлынув орущей, всесокрушающей волной. Впереди всех, с развевающимися волосами, размахивая руками, мелькая между деревьями, перепрыгивая через лежавшие на земле стволы, неслась Тэма. Фэрфакс, сперва увидев ее в прицеле, едва не спустил курок — и вдруг узнал ее.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТИ МОРОЗА

На Дальнем Севере, в лесах. <i>Перевод В. Болотникова</i> ..	7
Закон жизни. <i>Перевод К. Тверьянович</i>	34
Нам-Бок — лжец. <i>Перевод В. Болотникова</i>	43
Великий кудесник. <i>Перевод Е. Калашниковой</i>	64
Пришедшие с Юга. <i>Перевод В. Болотникова</i>	80
Болезнь Одинокого Вождя. <i>Перевод Э. Березиной</i>	108
Киш, сын Киша. <i>Перевод К. Тверьянович</i>	119
Смерть Лигуна. <i>Перевод В. Болотникова</i>	132
Ли-Вон белотелая. <i>Перевод В. Болотникова</i>	145
Лига стариков. <i>Перевод Н. Банникова</i>	169

«МУЖСКАЯ ВЕРНОСТЬ» И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Мужская верность. <i>Перевод И. Гуровой</i>	193
Замужество Лит-Лит. <i>Перевод Р. Облонской</i>	210
Тысяча дюжин. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	223
История Джис-Ук. <i>Перевод И. Гуровой</i>	247
Гиперборейский напиток. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	276
Золотое Дно. <i>Перевод Т. Литвиновой</i>	297
Ублюдок. <i>Перевод В. Болотникова</i>	317
Осколок третичной эпохи. <i>Перевод Р. Облонской</i>	338